

Будко Диана Анатольевна

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются пути концептуализации понятия "неформальные политические практики". Прослеживается изменение подхода к понятию с точек зрения таких теорий, как старый институционализм, структурный функционализм и неоинституционализм. Анализируются возможности определения неформальных политических практик с учётом не только деформаций в государственном управлении (коррупция, фаворитизм, клиента), но и культурных особенностей, традиций и моральных норм, принятых в конкретной стране.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 29-32. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической группы [Электронный ресурс]. URL: http://art.thelibrary.ru/science/directions/internetforum_kak_virtualniy_analog_psihodinamicheskoy_gruppi.html (дата обращения: 11.02.2013).
2. Поправко В. Н. Интернет – новое поле конструирования социальности // Конструирование человека: сборник трудов IV всероссийской научной конференции с международным участием: в 2-х т. (г. Томск, 26-29 апреля 2011 г.). Томск: Изд-во Том. гос. педагог. ун-та, 2011. Т. 1. С. 250-255.
3. Семенов Н. А. Все о социальных сетях. Влияние на человека [Электронный ресурс]. URL: <http://secl.com.ua/article-vse-o-socialnyh-setjah-vlijaniye-na-cheloveka.html> (дата обращения: 26.02.2013).
4. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. 147 с.

TYPOLOGY AND CLASSIFICATION OF INTERNET-FORUMS PARTICIPANTS

Bocharova Tat'yana Aleksandrovna

Pacific State University

kitaal@yandex.ru

The author analyzes the results of the sociological survey, conducted in 2011-2013, according to the results presents her own classification of internet-forums participants, substantiates the necessity of studying the mechanisms of involving into internet-communities, and puts forward arguments for the statement about the formation of the new social structure of the Internet.

Key words and phrases: Internet; internet-forum; internet-forums participants; communicative space; social group.

УДК 323.22/28

Политология

В статье рассматриваются пути концептуализации понятия «неформальные политические практики». Прослеживается изменение подхода к понятию с точек зрения таких теорий, как старый институционализм, структурный функционализм и неоинституционализм. Анализируются возможности определения неформальных политических практик с учётом не только деформаций в государственном управлении (коррупция, фаворитизм, клиентела), но и культурных особенностей, традиций и моральных норм, принятых в конкретной стране.

Ключевые слова и фразы: неформальные политические практики; неоинституционализм; структурный функционализм; формальная структура; институционализм.

Будко Диана Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

dianabudko@mail.ru

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ®

В современной политической науке анализ неформальных политических практик, неважно, на региональном или федеральном уровнях власти, является одной из наиболее распространенных тем исследования. Однако во многом проблема определения самого понятия остается по-прежнему актуальной. Сложность обуславливается иллюзией ясности трактовки как в научном, так и общеупотребительном плане, и трудностями, с которыми сталкивается исследователь, проводя линию раздела между «неформальными практиками» и, например, «коррупцией» (определение которой также не является устоявшимся) или иной деформацией в системе государственного управления. Коллизия состоит в том, что «во-первых, они (неформальные политические практики – примеч. Д. Б.) способствуют укреплению государства, служа своеобразными “скрепами”, объединяющими разнородные его части в единое целое. Во-вторых, наоборот, размывают институты, на которых держится государство» [5, с. 123].

Таким образом, цель данного исследования – выявить факторы, которые можно использовать при концептуализации понятия «неформальные политические практики». Задачами, возникающими в данном случае, являются прежде всего выявление закономерностей, характерных для этого явления и встречающихся у различных авторов, и определение сферы и условий его существования.

Перед тем как рассмотреть понятие «неформальная политическая практика», обратимся к его ключевому термину «практика» (от греч. *Praktikos* – действенный).

В самом общем смысле одними из значений «практики» являются «деятельность людей, в ходе которой они, воздействуя на материальный мир и общество, преобразуют их; деятельность по применению чего-нибудь в жизни, опыт... Приемы, навыки, обычные способы какой-нибудь работы» [10, с. 578]. Таким образом,

при «переносе» этих значений в рамки политической науки весьма плодотворным может являться рассмотрение практик в контексте теорий неоинституционализма [12, с. 5] и структурного функционализма.

Несмотря на то, что понятие «политическая практика» относительно новое, определённые моменты, схожие с этим термином, можно найти, например, в работах М. Вебера, утверждавшего, что одной из составляющих института является обусловленность поведения наличием «рациональных установлений и аппарата принуждения» [3, с. 546]. Эти рациональные установки, естественно с рядом оговорок, поскольку данный исследователь является представителем классического институционализма, вероятно соотносит с тем, что позднее обозначит Д. Норт как «правила игры» [15].

Классик структурного функционализма Р. Мертон предлагал при рассмотрении роли политического института использовать две переменные: структурный контекст и подгруппы, потребности которых в большинстве своем не удовлетворены [8, с. 172]. При этом исследователь обращает внимание на тот факт, что в процессе политической деятельности (действий «политической машины») многие моменты кажутся индивидам аморальными, при том что, исходя из структурных позиций, они нейтрально окрашены. В данном контексте, используя современную терминологию, речь во многом идет о соотношении формальных и неформальных политических практик и сложности их оценок с точки зрения моральных норм.

Французский учёный П. Бурдьё в большей степени затрагивал не проблему институтов как чего-то формального, но «правила» (и отступлению от них же), по которым они существуют: «Практики стремятся воспроизвести закономерности, присущие условиям, в которых было сформировано их порождающее начало, но при этом соотносятся с требованиями, содержащимися как объективная возможность в ситуации, которая определяется когнитивными и мотивирующими структурами, входящими в состав габитуса. В силу этого нельзя вывести практики ни из имеющихся в настоящее время условий, которые, как может показаться, порождают данные практики, ни из прошлых условий, которые произвели габитус – устойчивый принцип их производства» [2, с. 109].

Классик концепции неоинституционализма Д. Норт в работе «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» под институтом понимает «правила игры, формы взаимодействия которые управляют и сдерживают отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные конвенции и неформальные нормы поведения. Институты также должны включать средства, с помощью которых правила и нормы получают свою практическую реализацию. Мы обращаем внимание на институты и отмечаем, что одни и те же институты по-разному работают в разных контекстах» [9, с. 429]. Продолжая мысль, практики, как формальные, так и неформальные, выступают в роли своего рода винтиков, заставляющих институт выполнять команды, задаваемые ему в процессе функционирования.

Таким образом, под политическими практикам можно понимать как воспроизводство законов, стереотипов, правил, определяющих существования определенного политического института, так и взаимодействие его с другими институтами власти. Они могут носить как законодательно закреплённый, формальный характер, так и неофициальный.

Здесь возникает одно из значимых противопоставлений формальных практик неформальным. Если с определением первых не возникает трудностей, то значение вторых неоднозначно. Упомянутый выше Д. Норт подчёркивал, что если формальная составляющая института может быть относительно легко изменена государством в случае морального устаревания, то неформальная, напротив, фактически не поддается быстрой реформации [15]. Американский исследователь Г. О'Доннелл также подчёркивал существование некую статичность неформальной составляющей любого института [16].

Помимо этой стороны вопроса возникает и обозначенная в начале статьи дилемма: «Что есть неформальное?». Как замечает Я. Ю. Старцев, многое в данном случае зависит от того, с каких позиций, как научных, так и идеологических, исходит исследователь [13, с. 32-33]. При изучении неформальной составляющей политических институтов и их взаимодействий сама возможность выделения таковой должна соответствовать, на наш взгляд, определенным критериям, причем отталкивающимися от особенностей политической культуры и традиций данного социума с поправкой на то, что ряд явлений не уникален и не единственен в своем роде. Например, можно рассуждать об особенностях приятельских отношений между «власть имущими» в России, однако такое присутствует и в других странах, в том числе и так называемых западных демократиях. По-нашему мнению, нет различий и в форме их существования. Если выполнение формальных практик так же, как и некие санкции за их игнорирование и нарушение, имеют четко установленную форму, законодательно закреплённую и общеобязательную. Нарушение неформальных правил игры не имеет четкой системы наказаний, однако влечет за собой отчуждение и порицание со стороны определенного сообщества, в рамках которого они осуществляются. Существование неформальных практик и принуждение к их исполнению, как точно подмечает А. А. Аузан, осуществляется самими представителями группы [1]. Причём это является следствием того, что П. В. Панов обозначил как коллективное осмысление политических практик, как раз и происходящее в группах, которые являются не случайными участниками политического процесса, а «воспринимают политическую реальность, ориентируются в пространстве политических взаимодействий» [11, с. 165].

Существуют две проблемы, возникающие при попытках концептуализации неформальных политических практик: слияние формального и неформального и момент, когда сферы их существования строго разделены. Эти моменты тесно взаимосвязаны друг с другом. Как замечают Дж. Мейер и Б. Роуэн в классической работе неоинституционализма «Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал»: «...формальные структуры многих организаций в постиндустриальном обществе четко отражают мифы их институциональных сред, а не требования производственного процесса... Необходимо

установить четкое различие между формальной структурой организации и её каждодневной производственной деятельностью. Формальная структура – это подробный план деятельности, который включает в себя прежде всего организационную схему (перечень офисов, департаментов, позиций и программ). Эти элементы увязаны друг с другом посредством четко определенных целей и стратегий, составляющих рациональное обоснование того, как и зачем сочетаются друг с другом разные виды деятельности. Сущность современной бюрократической организации заключается в том, что эти структурные элементы, а также связывающие их цели имеют рационализированный и безличный характер» [6, с. 45-46].

Таким образом, к неформальным политическим практикам можно отнести в том числе и такие формы, как традиции, принятые в обществе моральные нормы, ценности. Они являются в некоторой степени результатом длительного взаимодействия индивидов данного общества, их социализации (здесь заметим, что как первичной, так и вторичной, поскольку примеры возможности задействования каналов политического взаимодействия, как с точки зрения гражданина и государства, так и государственных деятелей друг с другом (например, просмотр телевизионных передач, чтение новостей в интернете), индивид наблюдает с самого детства) и, как замечают некоторые исследователи, возникают не как результат мыслительных конструкций, а социально, исходя из потребностей общества или определённых групп населения [7].

В последнем случае возможен переход неформального в область деформации. Наиболее это заметно в сфере внутрорегиональных отношений и отношений «центр – регионы». Неформальное становится средой клановых отношений, «девизом которых является: клан – все, государство – ничто. Они являются питательной средой национализма, терроризма, оказывают негативное воздействие на развитие федеративных отношений» [14, с. 83].

При этом весьма характерен и тот факт, что проявление данных практик, которые зачастую выражаются не только в клиентеле, но и землячестве, реакционизме и отторжении любого проявления оппозиционности, во многом зависит от политической культуры, сложившейся в том или ином регионе на протяжении длительного времени. Элементами, сплачивающими элиту, являются общность языка (если речь идёт о национальных республиках), родственные и дружеские связи, а также четкая иерархия клиентов, иной раз не менее жесткая, чем ленивая пирамида [4, с. 206]. Таким образом, на наш взгляд, под неформальными политическими практиками можно понимать взаимодействия индивидов в сфере властных отношений на основе принятых в данном обществе норм и порядков, не закрепленных законодательно.

Принимая во внимание вышеуказанное и тот факт, что неформальные политические практики являются продуктом определённого времени, культурных и социальных условий, а целью их является получение определённых властных полномочий [12, с. 16], можно сделать вывод, что вопрос концептуализации данного понятия на сегодняшний день не является до конца решенным среди исследователей. Во многом его определение зависит от того, что в конкретном случае вкладывается в порождающую данный феномен реальность. Пожалуй, с одним моментом согласно большинство политологов: положительное влияние и существование неформальных политических практик возможно лишь до того момента, когда они перестают дополнять и конкретизировать сложившийся порядок, а вместо этого начинают представлять его искаженную реальность.

Исходя из выше сказанного, можно выделить ряд закономерностей. В таких разных теориях, как институционализм, неинституционализм, структурный функционализм, политические практики, в том числе и неформальные, выступают своего рода проводками, обеспечивающими деятельность и функционирование политических институтов с той или иной степенью эффективности. Будучи во многом продуктами политической культуры определённого общества, неформальные политические практики могут определяться, исходя не только из политических экономических аспектов, но и социокультурных. Соответственно, они включают в себя: факторы морально-нравственных, ценностных, культурных установок, а также правовой и исторический факторы.

На практике восприятие феномена неформальных политических практик в данном ключе, на наш взгляд, может способствовать совершенствованию формальной структуры посредством устранения спорных моментов и лакунов в законодательстве, а также при анализе возможного развития политических ситуаций в конкретной стране.

Список литературы

1. Аузан А. А. Национальные ценности и конституционный строй [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/12/06/auzan/> (дата обращения: 04.10.2012).
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.
3. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 495-546.
4. Кокорхоева Д. С. Неформальные политические институты взаимодействия органов власти в субъектах Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. № 7. С. 203-207.
5. Матвеев А. А. Место и роль неформальных практик в современном российском федерализме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч II. С. 120-124.
6. Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1. С. 43-67.
7. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) // Полис. 2002. № 2. С. 20-31.
8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уаланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расовой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 230 с.
12. Подхомутникова М. В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации: автореф. дисс. ... к. полит. н. Краснодар, 2010. 28 с.
13. Старцев Я. Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Александров А. А., Зерчанинова Т. Е., Самков К. Н. и др. Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 31-59.
14. Утенков Г. Н. Федерализм: политические идеологии и политические практики // Власть. 2011. № 1. С. 81-84.
15. North D. C. The Contribution of the New Institutional Economics to an Understanding of the Transition Problem [Электронный ресурс]. URL: http://www.wider.unu.edu/publications/annual-lectures/en_GB/AL1/ (дата обращения: 23.11.2012).
16. O'Donnell G. Another Institutionalization: Latin America and Elsewhere [Электронный ресурс]. URL: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/222.pdf> (дата обращения: 05.02.2013).

INFORMAL POLITICAL PRACTICES: CONCEPTUALIZATION PROBLEMS

Budko Diana Anatol'evna
St. Petersburg State University
dianabudko@mail.ru

The author considers the ways of conceptualizing the notion "informal political practices", traces the change in the approach to the notion from the point of view of such theories as old institutionalism, structural functionalism and neoinstitutionalism, and analyzes the possibilities of determining informal political practices taking into account not only the deformation in public administration (corruption, favoritism, clientela), but cultural features, traditions and moral standards adopted in a certain country.

Key words and phrases: informal political practices; neoinstitutionalism; structural functionalism; formal structure; institutionalism.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В центре внимания автора статьи – отношения между чехословацкими легионерами, с одной стороны, австрийцами и венграми – с другой. Эти отношения часто переходили в конфликт, который разрешался насилием. Причиной конфликта были не только национальные предрассудки, но также и борьба за конкретные политические цели. Подобная «национальная» подоплека придавала противоборству особый характер и несколько отличала его от других противостояний, развернувшихся в России в тот период.

Ключевые слова и фразы: национальные отношения; Чехословацкий легион в России; чехословацкие легионеры; интернационалисты; военнопленные; гражданская война в России; «малая гражданская война».

Валиахметов Альберт Наилевич, к.и.н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
albert80@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА)[©]

В начале 1990-х годов историк Ю. А. Поляков дал следующее определение гражданской войне в России: «это длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» [7, с. 32-33]. Говоря о «социальных, национальных и политических противоречиях», Ю. А. Поляков имел в виду, прежде всего, противоречия в российском обществе. Однако гражданская война в России имела столь сложный характер, что смогла вместить в себя и противоречия иного рода. В рамки событий, происходящих в России в 1917-1920 гг., уместилась т.н. «малая гражданская война»: в данном случае под этим понятием мы понимаем вооруженное противоборство народов, населявших Австро-Венгрию (включая борьбу чехословацких легионеров с чехословацкими интернационалистами).